

• МАКС •
МАКСИМОВ

СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Макс Максимов

Светлый человек

Серия «Фантастика от звезды YouTube»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51801431
Светлый человек / Макс Максимов.: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109958-9*

Аннотация

Неизвестный сорняк стремительно оплетает Землю своими щупальцами. Люди, оказавшиеся вблизи растения, сходят с ума. Сама Чаша генерирует ужасных монстров, созданных из убитых ею живых организмов. Неожиданно выясняется, что только люди с синдромом Дауна могут противостоять разрушительной природе сорняка. Институт Космических Инфекций собирает группу путников для похода к центру растения-паразита. Среди них особенно отличается Костя. Именно ему предстоит добраться до центрального корня и вколоть химикат, способный уничтожить Чашу. Вот только в конце своего путешествия Костя узнает то, что навсегда изменит жизнь человечества...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	38
Глава 4	45
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Макс Максимов

Светлый человек

ОКТАБРЬ

Сердце, печень и мозг лежали рядом с трупом на паркетном полу однокомнатной квартиры. На теле убитого не было следов насилия, и можно было подумать, что эти органы принадлежали не ему... Что кто-то вырезал их у другого человека и подложил к трупу. Вот только такое следователь за неделю видел уже в третий раз. Бездыханное тело, а рядом органы, аккуратно извлеченные из организма, без какого-либо повреждения внешних покровов. Не иначе как мистикой это назвать нельзя, но следователь не верил в подобную чертовщину. Всему должно быть логическое объяснение, даже такому феномену. Сыщик отрешенно ходил по комнате, не обращая внимания на своих коллег. Люди из его группы собирали улики, разговаривая вполголоса. Из-за входной двери в квартиру долетали обрывки фраз – соседям было любопытно узнать, что случилось, и при недостатке достоверной информации они выдвигали самые разнообразные версии. Следователь периодически поглядывал то на сердце, лежащее в луже крови, вытекшей из клапанов, то на мозг, извлеченный из совершенно целого черепа. Печень находилась чуть в стороне, в па-

ре метров от тела.

Уже удалось установить, что убитый находился в розыске за изнасилование. Двое других бедолаг, освеженных столь же загадочным образом несколькими днями ранее, также в прошлом были преступниками. Они совершили серию разбойных нападений на пенсионеров. Успели убить старика и покалечить двух старушек. Грабителей нашли на улице мертвыми. Рядом лежали их органы. Одежда на убитых не была разорвана или разрезана. Складывалось впечатление, что кто-то телепортировал их сердце, печень, желудок или мозг – всякий раз комбинация была разная – за пределы тела. Вскрытие показало, что органы изымали небрежно. Схватили и рывком отделили от туловища. Казалось, призрак прошел сквозь тела людей, забрав их самые важные части организма.

Глава 1

СЕНТЯБРЬ

– Вон тот ствол, видишь? Который самый толстый нависает, – спросил в микрофон Алекс.

– Вижу, вижу, – пробубнил Данька.

– Иди чуть левее этого ствола.

– Левее?

– Да, левее.

Алекс достал сигарету из пачки и принялся прикуривать.

– Леха, окно, – произнес кто-то из координаторов, сидящих рядом.

Алексей встал из-за экрана и, минуя несколько сгорбленных возле своих мониторов людей, подошел к окну.

– Левее? – услышал он голос Даньки через наушники.

– Да, да, левее.

Алекс стоял у окна и курил. Поглядывал на свой экран, где с камеры, надетой на лоб его путника Даниила, транслировались мелькающие в свете фонаря переплетения изогнутых лиан и кривых стволов Чащи. Будто огромным месивом змей... нет, скорее, щупальцами тысяч осьминогов этот внеземной лес окутывал группу людей, идущих сквозь тьму, к

самому его центру.

– Левее, да? – снова спросил Даня.

В свои двадцать пять лет координатор Алексей имел богатый опыт работы с людьми с синдромом Дауна. Он прекрасно знал, как надо отвечать им, знал, что нельзя срываться, грубить и давать волю эмоциям. Если тебя спрашивают двадцать раз одно и то же, надо ответить двадцать раз одно и то же. Спокойствие путника – превыше всего. «Не орите на путника. Держите себя в руках», – постоянно повторял инструктор. Но как же порой хотелось Алексу наорать, услышав очередное: «Левее, да?» Или даже не наорать, а дать хорошую затрещину своему путнику, да так, чтоб кожа ладони горела, а у того зазвенело в голове... Влепить ему прямо в ухо, а заодно и еще кому-нибудь!

– Да, левее, – спокойно ответил Алекс, выбросил окурок в окно и вернулся на свое рабочее место.

– Сейчас обойдем, сейчас, – произнес Даня.

На мониторе продолжала мелькать паутина из зеленых лиан. В скачущем луче налобного фонарика Алекс видел то землю, то руки Даньки, раздвигающего ветки, то снова эти проклятые лианы. Путники протискивались сквозь густые сплетения инопланетного сорняка, разросшегося на тысячи квадратных километров настолько густо, что даже солнечный свет не мог проникнуть сквозь заросли Чащи.

– Тут что-то... – произнес Даня, уставившись на красный бутон, свисающий со ствола. Бутон напоминал нераспустив-

шуюся розу диаметром метра полтора.

Через камеру Дани Алекс увидел, что один из путников дотронулся до бутона, от чего растение немного вздрогнуло.

– Колян, чего твой вытворяет?! – крикнул Алекс и сдвинул один наушник.

– Не трогать! – закричал в микрофон Коля.

Остальные координаторы сказали своим путникам, чтобы те не подходили близко к странному цветку.

– Не понимают, – сказал Коля Алексею, – инструктируешь их, инструктируешь, и все без толку.

Путник Николая немного отошел от бутона. Растение медленно приоткрыло лепестки, и оттуда высунулась человеческая рука. С кончиков лепестков свисала красноватая слизь. Цветок слегка потряхивало, казалось, в нем кто-то ворочается. Кисть руки сжалась в кулак, а потом плавно раздвинула пальцы и снова сжалась, будто разминая затекшие конечности.

– Отходим южнее, – громко скомандовал Алекс координаторам.

Те передали своим путникам, чтобы они шли за Даниилом.

– Дань, – начал Алекс, – посмотри на компас.

– Смотрю. – На мониторе появилось изображение руки с надетым на нее компасом.

– Сейчас быстро, но без суеты, тебе надо идти на юг, – продолжил Алекс, – это где буква «Ю».

– Ага, чтоб туда стрелочка смотрела? Или на букву «С»? Я что-то забыл? – спросил Даня и взглянул на бутон. Тот начал раскрываться, и из него показались еще две руки. Руки схватились за края лепестков. Слизь из растения хлынула на землю.

– К черту компас! Повернись спиной к цветку и быстро беги куда глаза глядят! – крикнул Алекс. – Быстро!

– Ясно, ясно, понятно, – пробурчал Даниил.

На мониторе замелькали руки Дани, второпях раздвигающие лианы в свете прыгающего луча от фонаря. Алекс слышал учащенное дыхание Даньки, шорох растений и жуткий вой позади путника.

– Ваши бегут?! – спросил Алексей у координаторов, не отводя взгляда от своего монитора.

– Да.

– Да.

– Бегут.

– Да.

В комнате координаторов распахнулась дверь.

– Вы что, мать вашу, творите! – орал Семен Петрович. – Первый раз, что ли, замужем?! Уводите всех оттуда!

Руководитель отдела бешеным взглядом окинул координаторов. Те сидели, уставившись в мониторы. Кто-то что-то говорил своим путникам.

– Отходим, отходим, Семен Петрович, – произнес Алекс.

– На точку «D» валите! Как уйдете, Колян, ко мне в каби-

нет! – крикнул Семен Петрович и подошел к экрану Алекса. Встал сзади, внимательно наблюдая за происходящим.

– Куда бежим-то? – спросил Коля.

– Отойдем подальше и разберемся, – ответил Алекс.

– Леша, нам долго бегать? – взволнованно спросил Данька.

– Нет, еще немного.

– Останови их, – спустя полминуты сказал Семен Петрович, – надо с компасом свериться, а то убегут черт-те куда.

– Тормозните-ка, – сказал Алекс в микрофон.

Путники остановились. Даниил дышал в микрофон, шмыгал носом и что-то бубнил. Картинка с лианами на мониторе плавно двигалась вверх-вниз.

– Да не дыши ты прям в микрофон! Тихо! И фонарь выключи, – прикрикнул Алекс, а потом добавил координаторам: – Фонари пусть все вырубают. Тишина!

– Умудрились же приборы ночного видения потерять, путнички хреновы, – выругался Семен Петрович.

На экранах стало абсолютно темно. Координаторы вслушивались в еле уловимый шорох Чащи. В воздухе повисло напряжение. Алекс, замерев, прижимал наушники к ушам.

– Стойте тихо, – сказал он Даньке.

Секунд через десять он сдвинул один наушник.

– Вроде никто не преследует, – сказал Алекс.

– Свет врубаем или подождем? – спросил Коля.

– Погодите... Надо посидеть мальчика, – сказал Семен Пет-

рович, – дай-ка сюда...

Руководитель отдела содрал наушники с головы Алекса и нацепил на себя, оставив одно ухо открытым.

– Данька, только ты включи фонарик, – сказал Семен Петрович.

На экране появились изображение земли и край ботинка путника.

– Покажи мне компас.

Даня поднес руку к камере.

– Так, сейчас поворачивайся чуть левее... так... молодец... еще левее...

Луч скользнул в сторону, осветив других участников похода – четыре человека с налобными фонариками и камерами переминались с ноги на ногу, нервно озираясь по сторонам. Всем им было лет по двадцать.

– Даня, выключи пока фонарь и не двигайся.

Монитор снова потух.

– Метров сто они пробежали? – предположил Семен Петрович.

– Я думаю, да, – ответил Алекс.

– Карту дай.

Алексей выдвинул ящик стола и достал бумажную карту. Руководитель схватил ее, развернул и принялся всматриваться в условные обозначения.

– Так, шли мы с востока на запад, – рассуждал Семен Петрович, – потом напоролись... Дальше ты их повернул спи-

ной... Та-а-ак... Сто метров пусть будет... Все верно, сейчас пройдем немного назад параллельно маршруту, а потом свернем налево и выйдем собсна-а на сам маршрут.

Семен Петрович положил карту на стол Алекса и небрежно надвинул ему наушники на голову.

– Давай, Леха, води товарищей! – Он потрепал Алекса по плечу. – Я к себе. Если что, подойду.

– Ага.

Алекс поправил наушники.

– Данька, – сказал он.

– Ну что?

– Все в порядке. Включай фонарик.

Данька осветил спрута из нависающих лиан-щупалец.

– Компас покажи.

– Вот, вот он.

– Хорошо. Идем прямо. Куда ты сейчас смотришь, туда и идешь. Остальные за тобой пойдут. Ясно?

– Ясно, ясно, понятно.

– Иди.

– Иду.

Путники продолжили пробираться сквозь космический сорняк, которым заразилась Земля несколько лет назад. Никто и подумать не мог, что инфекция может поражать не только отдельные организмы, но и целое небесное тело, которому «посчастливилось» подцепить паразита. Паразита галактического масштаба!

Данька разгребал руками заросли этой космической заразы, ведя за собой еще четырех человек, так же направляемых своими координаторами. Пятеро людей с синдромом Дауна рыскали в самом опасном месте на планете в полной темноте. Единственное, на что они могли положиться, – так это на профессионализм своих наставников, сидящих в уютной теплой комнате Института Космических Инфекций, в сотне километров от Чащи. Хотя, учитывая скорость распространения по Земле этого лишайника, через полгода здание Института (как и весь городок) будет поглощено сорняком, и людям придется переехать.

– Похоже на стенку, – сказал Даня, подходя к бревенчатой стене дома. Строение, опутанное лианами, едва просматривалось в монитор. Сквозь пустые оконные рамы каркас дома переплетали отростки Чащи.

Алекс уставился на карту, пытаясь понять, возле какой деревни они могли оказаться. Никаких населенных пунктов поблизости не было.

«Может, просто отдельный дом? – подумал Алекс. – Не могли же они заблудиться... Пробежали-то всего ничего...»

– Что там? – спросил Коля.

– Да... ничего, идем, как и шли.

– Нам с какой стороны дом обходить? – спросил Данька.

– С любой, – ответил Алекс.

– А-а-а, ну ясно, ясно, понятно.

Обходя дом, путники натолкнулись на забор из сетки-ра-

бицы. Двигаясь вдоль него, Даня обратил внимание на железобетонный столб, уходящий вверх, в сплетение лиан. Верхушки столба видно не было. Спустия метров двадцать – снова забор, на этот раз деревянный. За забором очередной дом.

«Похоже, деревня, – подумал Алекс. – Мы умудрились заблудиться. Ну, или это все просто не нанесено на карту».

Из наушников раздался крик, по ощущению Алекса, метрах в пятидесяти от группы.

– Леша! Тут где-то люди орут! – протараторил Даня. – Мне страшно, страшно. Я не хочу тут больше ходить!

«Если бы это были люди...» – мелькнула мысль у Алекса.

– Даня. Спокойно, не нервничай, – четко и громко произнес он.

Даниил крутил головой, и Алексей не мог разобрать, что там происходит.

– Перестань вертеться, я не смогу тебе помочь, если ты не успокоишься.

Даня всхлипнул от страха, снова услышав крик из глубины Чащи. Другие координаторы тоже пытались успокоить своих путников. В кабинет залетел Семен Петрович.

– Леха!

– Да подождите вы. – Алекс отмахнулся от руководителя. – Данька, – продолжил он, – сейчас вы идете домой. Все будет хорошо, понял?

– Да, понял.

– Ты можешь показать, откуда был крик?

Даня указал пальцем перед собой.

– Как в прошлый раз, повернись спиной к крику и уходи.

Не суетись, не нервничай, все хорошо.

Даня развернулся и зашагал. Остальные путники, следуя указаниям своих координаторов, держались возле Даниила.

– Ухожу домой, – произнес Даня.

– Да, Данька, домой.

– К родителям. Но если они опять кашу дадут на завтрак, я с ними деньгами не поделюсь.

– Не дадут, закажете пиццу.

– С ананасом.

– Получишь деньги и сможешь каждый день себе заказывать пиццу.

– И питомца себе заведу.

– Собаку?

– Динозавра или тигра.

– Даня, лучше собаку, тигр тебя съест.

Путники продолжали двигаться в неизвестном направлении. Теперь не было сомнений, что они заблудились.

– Я буду его дрессировать, – сказал Даня.

– Я тебе помогу.

– Спасибо, кстати, я забыл свой кубик Рубика, он в моей комнате в Институте остался, надо забрать его.

– Заедешь, заберешь.

Внезапно раздался глухой удар, и изображение на экране Алекса погасло.

– Больно, больно! – услышал он голос в наушниках. – Нога! Отпусти!

Алекс вскочил со стула, скинув один наушник.

– Даня!

Координаторы галдели в микрофоны. Семен Петрович подлетел к экрану Коли и что-то заорал. Алекс не мог понять что. Слышал лишь крики Даньки, но уже неразборчивые. Звуки в наушниках слились в какофонию. У Алекса закружилась голова и затряслись руки. Прозвучал очередной громкий крик... не человеческий, рядом с Даней, а после наступила тишина.

Два из пяти мониторов показывали землю, освещенную фонарями. Другие три экрана транслировали темноту.

Какое-то время Алексей стоял, опершись двумя руками на стол, и пялился в черный экран, пока не услышал за спиной голос Семёна Петровича.

– Родственникам сами будете сообщать... у меня больше нет сил, – тихо произнес тот.

Руководитель отдела координаторов вышел из комнаты.

«Родственники знают, куда посылают их, – подумал Алекс, – избавиться от лишнего груза, да еще и денег заработать».

Глава 2

Костя сидел на унитазе и тужился изо всех сил. Вздрогнул от удара в дверь.

– Ты скоро там? – недовольно произнес Захар.

– Скоро, скоро, – ответил Костя и снова натужился.

– Да что ж такое, – думал он, – что ж такое-то?

– Ты тут не один живешь! Вылезай давай, все там засрал, поди! – кричал Захар из-за двери в туалет.

– Скоро, скоро, я скоро.

Костя принялся листать книгу с картинками известных художников прошлого. С этой книгой он всегда ходил в туалет, она помогала ему расслабиться. Его взгляд привлек горный пейзаж. Снежная вершина казалась ему такой натуральной, будто ее на пленку сняли, а не красками изобразили. Костя представил, как он карабкается по этой горе, оглядывается вниз и видит под собой бездонную пропасть. Его поясница обвязана веревкой, к другому концу которой привязан огромный камень. Перебирая веревку, Костя поднимается от выступа к выступу, подтягивается и закидывает одну ногу, потом другую, все выше и выше. Камень становится тяжелее и тянет Костю в бездну, но он, напрягаясь изо всех сил, лезет вверх. Пот проступает на лбу. Костя не сдается. Вершина уже совсем близко. Он смотрит вниз и видит, что камень становится все больше и больше, веревка начинает

рваться. Костя делает последний рывок и закидывает ногу на небольшую площадку, расположенную на самой верхушке горы. Камень продолжает увеличиваться, становясь все тяжелее, и Костя начинает сползать... Он вот-вот сорвется, но в последний момент цепляется рукой за выступ. С криком совершает последний рывок, веревка рвется, и камень падает в пропасть с булькающим звуком. Костя залезает на вершину и с облегчением заваливается на спину. Лежит, глядя в голубое небо.

«Вот бы по горам полазить, – думает он, – по самым большим и опасным. Стану этим... как там его... горнолазом!»

Костя встал с унитаза, вытерся и смыл.

– Фух... – произнес он. – Книга моя волшебная.

Выходя из туалета, Костя наткнулся на Захара. Костин опекун стоял, прислонившись плечом к стене, и недовольно смотрел на паренька.

– Ты ссать или срать? – неразборчиво буркнул Костя.

– А тебя волнует? – ответил Захар.

– Да нет, но ты ссать или срать идешь? – снова протараторил Костя, а потом добавил: – Ну... просто спрашиваю...

Опекун зашел в туалет, пихнув Костю плечом, и захлопнул дверь.

– Ага, понятно, значит, срать, – сказал Костя тихо, себе под нос.

– Да у тебя не одна лишняя хромосома, а все десять. Придурок, – слышался из-за двери голос Захара.

– И ничего не придурок, – пробурчал Костя.

Он несколько секунд стоял под дверью, вспоминая, что собирался сделать? Вспомнил. Костя зашел на кухню и поставил чайник на газовую конфорку. Включил газ. Взял спичечный коробок со стола, вытащил спичку и попытался зажечь ее, чиркнув о коробок. Спичка сломалась.

«Слишком сильно, – подумал он. – Сейчас еще разик».

Достал новую. Медленно провел спичкой по коробку. Не горит. Потом провел чуть быстрее. Ничего. Он попытался чиркнуть еще быстрее, но промахнулся.

– Да как же это...

Положил спичку на стол и достал другую.

«Неисправная какая-то, – подумал он. – Вот эта лучше».

Он медленно приложил головку новой спички к коробку, сосредоточился, поджав губы, и резко дернул рукой. Спичка опять сломалась.

Костя положил коробок на стол и сел на свою раскладушку, которая занимала полкухни. Вторую половину кухни обычно занимала раскладушка Захара, но сейчас она была собрана и стояла в прихожей.

«Непослушные спички, – мысленно ругал Костя коробок, лежащий перед ним. – Плохие».

Костя сверлил его взглядом, а в голове бурлили воспоминания: берем коробок, выдвигаем, достаем одну спичку, прикладываем к «чиркашу» и резко дергаем рукой. «Что я

делаю не так?»

Несколько минут Костя чесал затылок и вздыхал над несчастными спичками. Пока на кухню не зашел Захар. Он тут же кинулся к плите и выключил газ. Потом повернулся к Косте и со всей силы дал ему подзатыльник.

– Ты совсем идиот? Думай, что делаешь! – закричал он. – Не умеешь, так не трогай плиту вообще!

Костя вскочил с раскладушки и схватился за голову.

– Ты плохой! Козел! – крикнул он и выбежал из кухни. Зашел в комнату к сестре. Аня готовилась к поступлению в медицинский вуз, сидела за письменным столом и читала конспект.

– Кость, ты чего? – Увидев плачущего брата, она отложила тетрадь в сторону.

– Захар – козел! – крикнул Костя.

– Спасибо, я в курсе, – ответила она.

– Плохой козел. – Он сел на кровать, все еще держась за голову.

– Он тебя ударил?

– Еще как! Захар – говно!

– Так, – сказала Аня. – Ну это уже слишком.

Она встала и направилась на кухню. Костя вышел следом. Захар наливал воду в чайник.

– Тебе кто дал право руки распускать? – спросила Аня.

– Ты о чем? – спросил опекун и поставил чайник на за-
жженную конфорку.

– Он сказал, что ты его ударил.

– Врет.

– Сам врешь! – крикнул Костя из прихожей.

– Не бил я его, просто отругал за то, что газ включил, а сам сел и сидит, рот разинув. Так ночью включит газ и уйдет, а мы утром и не проснемся. Даун в доме – это опасно. Надо следить.

– Я чайку хотел попить, – сказал Костя, – а спички неисправные оказались.

– Голова у тебя неисправная! – рявкнул опекун. – Что голова, что задница, все едино... Так еще и пустой чайник кипятить вздумал.

– Если ты еще раз его ударишь, – начала Аня, ткнув пальцем в Захара, – я обращаюсь в милицию или... или в службу опекунства!

– В какую службу? – ехидно переспросил Захар.

– В какую надо! – буркнула Аня, поняв, что ошиблась с названием.

– Опекунства, – хмыкнул Захар. – И что ты им скажешь?

– Скажу, что ты занимаешься рукоприкладством.

– А доказательства?

– Найду!

– И что вы будете делать, если меня отзовут от вас?

– Что?

– Да, что?

– Что будем делать?

– Да, да, что делать будете? Подумай.

Аня хотела что-то ответить, но Захар перебил ее:

– Если меня отзовут, то ты отправишься в детдом до своего совершеннолетия, а братцу твоему выделяют нового опекуна, и не факт, что он будет лучше меня. Так что скажи спасибо, что я оформил опеку и на тебя тоже, могу отказаться, если захочу, и будешь ты куковать в детдоме два года, а Костян твой вообще черт-те где окажется. Может, иногда будете видаться... Поняла?

– Только попробуй еще раз его ударить, ясно? – злобно произнесла Аня.

– Я никого и пальцем не тронул, – ответил Захар.

– Тронул. – Костя никак не мог успокоиться.

– Да хорош ныть там, как баба, – крикнул Захар, выглядывая из-за Ани. – Двадцать лет уже!

Их конфликт прервал звонок в дверь. Захар протиснулся в кухонный дверной проем, намеренно прижав Аню к стене и как бы случайно проведя ладонью по ее не по годам пышной груди. Девушка с отвращением взглянула ему в глаза. Опекун подмигнул ей и подошел к входной двери.

– Кто? – спросил он.

– Служба судебных приставов, – раздался женский голос.

– А что вам надо? – Захар посмотрел в глазок и увидел три силуэта на лестничной площадке.

– Нам придется изъять ваше имущество.

– За что это?

– За долги. Откройте, пожалуйста, дверь.

– Какое имущество, вы о чем вообще?

– Вам извещения приходили на протяжении нескольких месяцев.

– Я ничего не получал.

– Захар Сергеевич, вы не платили алименты уже более года. Вам были направлены извещения о задолженности. Вы их игнорировали.

– Черт, – выругался он шепотом. Костя с Аней молча наблюдали за своим опекуном.

– Захар Сергеевич, откройте дверь, – настойчиво произнесла девушка.

– А никого нет дома, – сказал Захар.

– Вам все равно придется рассчитаться по долгам.

– Никого нет дома.

– Давайте не будем тут шутить.

Захар повернулся к своим сожителям и поднес палец ко рту.

– Тс-с-с... – процедил он.

– Захар Сергеевич, если вы будете оказывать какое-либо сопротивление, мы вызовем милицию.

– Чего стоишь, открывай, – сказала Аня.

Захар помотал головой.

– Нет, нет, стой. Телевизор же заберут, упыри, – прошептал он.

– Я могу открыть, – вмешался Костя, – я умею, это же не

спички.

– Его и так заберут, – произнесла Аня.

– Говори тише. Будем просто игнорировать этих поборщиков поганых, – сказал Захар.

Аня повертела пальцем у виска.

– Нам дверь выломают, – сказала она.

– погоди, пусть уйдут, я его Мишке отдам, чтоб не изъяли. В следующий раз открою, запущу их, и пусть уже делают что хотят.

– Захар Сергеевич, мы слышим все, что вы говорите, завтра мы вернемся с милицией. Всего доброго! – сообщила девушка-пристав.

Через несколько секунд Захар снова посмотрел в глазок, но там уже никого не было.

– Алименты, значит, – сказала Аня. – Интересно.

Захар тяжело вздохнул и прошел на кухню, глядя себе под ноги.

– Чай будете? – спросил он.

Аня с Костей зашли следом. Девушка села на табуретку за небольшим столиком возле окна, а Костя остался стоять в дверях.

– Мне бы историю про долги узнать. Очень любопытно, – сказала девушка.

– Жена подала на развод, забрала детей. Вот и вся история, – сказал Захар, наливая заварку в чашки. – Подробно-сти рассказывать не хочу.

– Сколько у тебя детей? – спросила Аня.

– Двое, – ответил мужчина.

Девушка заметила, что у него заблестели глаза.

– Ты с ними видишься?

– Нет. Я бы не хотел об этом вспоминать.

Захар налил кипяток в кружки и насыпал по две ложки сахара в каждую.

– Н-да... я думала, у нас просто нет денег, а мы, оказываемся, еще и в минусе. Замечательно, – проговорила Аня.

– Мне за вас служба что-то платит, на жизнь нам хватит.

– Через два года мне восемнадцать, и мы съедем от тебя, я оформлю опеку над Костей.

– Я понимаю.

– Кстати, может, ты работу поищешь?

– Пока меня все устраивает, – сказал Захар и поставил три чашки на стол. – Костяныч, иди садись.

– Не хочу, – ответил парень.

– Почему от тебя ушла жена? – спросила Аня.

– Выпивал немного, – виновато произнес опекун и отхлебнул горячего чая.

– И все?

– Иногда плохо себя вел.

– Бил ее, что ли?

– Подруга, я же сказал, что не хочу рассказывать подробности. Не вороши больное.

– Ладно, извини, – сказала Аня.

– Вот вы говорите, что от меня съедете через два года. А на что вы жить будете? На Костино пособие по инвалидности?

– У нас еще есть время подумать, – ответила Аня.

– Да, – подтвердил Костя, – я, может, стану горнолазом. А что? Подумаешь... Или у меня будет выставка картин, и я их все продам.

– Да кому твоя мазня нужна, – ответил ему Захар.

– Вовсе и не мазня.

– Съехать у вас пока не получится, так что мысли эти гоните. Если быть реалистами, нам выгоднее жить тут. Косте платят пенсию и пособие, мне платят за опеку, плюс квартира есть, хоть и однушка. Где вы квартиру найдете себе? Не-е-е, съехать так просто не получится.

– К счастью, твое мнение на этот счет мне неважно, – сказала Аня.

– И мне, – добавил ее брат.

– Да и сорняк этот, говорят, максимум через год до нас дойдет. Так или иначе, придется переезжать. Ты же за нас держишься, только чтоб пособие получать? – укоризненно произнесла Аня.

– Да, и что? Это моя работа – смотреть за вами. У всех своя профессия. Кто-то токарь, кто-то повар, а я вот...

– Бла-бла-бла, – пробурчала Аня. – Тунеядец ты, самый настоящий.

– Ты бы, девочка, язык прикусила. А если Чаша до нас дойдет, нам должны будут квартиру выделить. Но надеяться

на большую площадь я не советую. В другую однушку переселят.

– Ты знаешь, а я вот смотрю на тебя, и мне понятно, почему от тебя жена ушла.

– И чего же тебе понятно?

– Погляди на себя в зеркало. Небритый, в майке, заляпанной соусом, носки рваные, работы толком нет, никаких интересов, лишь бы сидеть и ничего не делать.

– Овца ты бестолковая, доживешь до сорока лет, тогда и поговорим. Жизнь – штука сложная, и в твои шестнадцать понять это невозможно.

– Все неудачники жалуются на жизнь.

Захар не стал ничего отвечать девушке. Он поднял трубку с телефона на подоконнике и принялся пальцем крутить барабан, набирая номер друга.

– Але, Гриш, тут такое дело, в общем. Да, здорова. Приставы тут заходили. Выручи, мне надо телевизор тебе отдать на...

Аня встала из-за стола, поставила кружку в раковину, и они вместе с братом пошли к ней в комнату.

– Заработаем денег, – сказал Костя, садясь в кресло. – Я смогу.

Парень вытащил холст с городским пейзажем из-за Аниного стола.

– Вот эту картину продадим сначала.

Сестра стояла к нему спиной и смотрела в окно.

– Днем буду учиться, а вечером работать, – размышляла она вслух. – Ничего страшного, многие так живут. Снимем квартиру подальше отсюда, и все будет хорошо.

Костя отложил картину с пейзажем и достал следующий холст. На нем была изображена сестра в красном летнем платье и белой шляпе. Полненькая девушка с вьющимися русыми волосами до плеч держала в руках хоккейную клюшку. Тогда Костя отчего-то представил ее хоккеисткой. Рядом с сестрой на картине стоял сам Костя, как обычно – с доброй улыбкой и прямой челкой почти до бровей. Он нарисовал себя ростом чуть ниже Ани, хотя в реальности они были одного роста. Костя привык, что все вокруг, кроме детей, выше него, поэтому и рисовал себя всегда маленьким.

«Почему красивые девочки в платьях не могут играть в хоккей? – подумал Костя. – Вполне могут. Коньки ей дорисовать, и всего-то делов...»

– Ань, чего Захар меня вечно придурком называет? – спросил брат.

Сестра отошла от окна и села за письменный стол. Взяла свою тетрадь с конспектом и начала листать.

– Ничтожества всегда пытаются выставить себя лучше других, – сказала она.

– Аня.

– Что?

– Он лучше меня?

– Нет.

– Тогда я ничего не понимаю... Зачем так делать?

– Я сама не понимаю. Просто не слушай его.

– Он точно не лучше меня?

– Нет.

– Я рад.

– Если тебя дразнят, не надо обращать внимания.

– Я стараюсь, но это так обидно, когда тебя считают глупым.

– Ты не глупый, ты просто другой.

– Спасибо.

– Меня в школе дразнят толстой, и я научилась не слышать их.

– Ты не толстая. Ты немного толстая. Но не толстая.

– Да ладно, я знаю, что я толстая, вот только мне неважно.

Внешность не имеет значения.

– Я тебя люблю. – Костя улыбнулся, глядя на сестру.

– И я тебя. Но мне, правда, плевать, когда меня дразнят.

К тому же через год я не увижу всех этих людей из класса.

И тебе советую не обращать внимания на него.

– Захара нам еще два года видеть, ты сама так сказала.

– Переживем.

Костя достал следующую картину с изображением родителей. Отец стоял в поле возле штатива, на котором располагался строительный измерительный прибор – теодолит. Костя с первого раза запомнил это слово. Справа от отца мама держала огромную линейку, превышающую ее рост. Над ро-

дителями красовалась надпись с ошибками: «Мама и Папа в экспедиции».

«Эту картину я не продам даже за миллионы», – подумал Костя.

– Если эта Чаша окутает всю планету, то нам некуда будет переезжать, – произнесла Аня.

– Не окутает, – сказал Костя и потянулся к следующему холсту. Он положил картину себе на колени. Нарисованные на ней родители лежали у подножия горы. Рядом валялся штатив с теодолитом. С горы шла снежная лавина. Еще секунда, и она поглотит людей... Вот только это все лишь игра красок на полотне, созданная воображением Кости.

Дверь в комнату приоткрылась.

– Можно? – спросил Захар.

– Что ты хотел? – откликнулась Аня.

Опекун зашел в комнату, развернул газету и положил ее на стол перед девушкой.

– Вот. – Захар сиял от радости.

– Что «вот»? – не поняла Аня.

– Я нашел способ обогатиться.

Девушка посмотрела на газету. Захар выделил карандашом объявление:

«В Институт Космических Инфекций требуются путники для похода в Чашу. Требования: синдром Дауна». Далее указаны номер телефона и адрес учреждения.

– Ты издеваешься?! – злобно произнесла Аня. – Совсем

мозгами поехал уже?!

Костя отставил картину и подошел к столу.

– Чего ты так сразу? – спросил Захар.

– Да они там как мухи мрут в этой Чаше!

– Чего? Что за бред?

– А почему им вдруг новые путники понадобились? Куда старые делись? – спросила Аня.

– Не знаю, может уволились.

– Ага, уволились. Ты знаешь, сколько там в среднем люди живут?

– Вот в кого ты такая умная? Ты прямо все знаешь...

– У меня есть знакомая, у которой мама – подруга одного из сотрудников этого института. Он рассказывал ей – полгода в среднем там живут.

– Ну так поработает пару месяцев, и все.

– Иди сам туда и работай!

– Да я бы рад, но...

– Это вы про в путники мне пойти? – вмешался Костя.

– Про в путники, про в путники, – ответил Захар, – зарабатываешь себе на свою комнату отдельную.

– Не слушай его, ничего не заработаешь, – сказала Аня.

– Да это реальный шанс использовать недуг Костяныча! Походит немного туда, получит денег, и у вас будет шанс съехать от меня.

– А тебе какая выгода? – спросила Аня. – Ты же не хотел, чтоб мы съезжали. Что ты с этого получишь?

– Ничего не получу.

– Ой, только не говори, что ты просто заботишься о нашем благополучии.

– Ну а чего бы не позаботиться. Костик же орет вечно, что я, мол, говно, говно, вот решил перестать быть говном.

– Нет, – решительно заявила Аня. – Обойдемся без походов.

– Подожди, – сказал Костя.

– Не подожду! – ответила сестра.

– Я – мужчина, и у меня есть слова! – сказал брат.

– Во! Это верно. Баба, помолчи, пусть он скажет. Чего ты его затыкаешь! – поддержал Костю Захар.

Аня встала из-за стола.

– Вышел быстро из моей комнаты! – крикнула она на опекуна.

– Это моя квартира, – ответил Захар.

– А там много платят? – спросил Костя у Захара.

– Очень много! За год можно квартиру купить, – ответил опекун.

– Ань, давай запишемся? – сказал брат.

– Кость, послушай меня внимательно. – Аня взяла его за руку. – Люди, которые ходят в Чашу, там и умирают. Ты понимаешь меня?

– Да.

– Ты умрешь, если пойдешь в Чашу. Понимаешь?

– Да.

– Деньги мы и другим путем заработаем.

– Картины мои будем продавать?

– Да, ты будешь рисовать, а я буду продавать.

– Да... ну... ну хорошо, это тоже подойдет. Наверно.

Девушка взяла газету и отдала ее Захару. Он улыбнулся и кивнул Ане.

– Ладно, как скажешь, я не настаиваю, – сказал опекун. – Но все же подумайте, – добавил он, выходя из комнаты.

– Ишь, чего выдумал, – сказала Аня. – Конечно, там платят много, вот только до зарплаты еще дожить надо.

Костя развалился в кресле и уставился на белый потолок. Он представлял, как просыпается в своей комнате. Отдельной комнате. Идет на кухню и включает электрическую плиту. В новых домах не надо мучиться с проклятыми спичками. Он наливает воду и ставит чайник. Все так просто и удобно.

– Нашел дурачка, – продолжила Аня. – Как только язык повернулся такое предложить нам!

«Вторую комнату Ане отдам, а в третьей будет моя мастерская. Буду там рисовать. Или выставку там сделаю», – продолжал мечтать Костя.

– Надо уже сейчас работу подыскать на вечер, – решила Аня. – Буду работать и откладывать деньги. За два года накопим, может, хоть на аренду, а там дальше разберемся по ситуации.

«Эх, жалко я не смогу пойти в путники и стать богатым, –

думал Костя, – и квартиру не куплю. И комнату отдельную не куплю. И ничего не куплю...»

– Я спать скоро пойду, мне завтра в университет утром по делам надо, ты, если хочешь, можешь тихонько тут сидеть.

– Да нет, я, наверно, тоже лягу.

– Если хочешь, можешь сюда раскладушку принести.

– Нет, ты девочка, ты большая, неудобно.

– Ты мне не помешаешь.

– Я знаю, что помешаю. Я и там хорошо сплю.

– Как знаешь.

– Приятных снов, – сказал Костя, встал с кресла и подошел к сестре. Они обнялись, и она чмокнула его в лоб. Брат вышел из комнаты. На кухне уже был выключен свет. Захар сидел в трусах и майке на раскладушке, стягивая носок. По телевизору шли международные новости. Ведущая рассказывала о гибели ста человек в результате ракетного удара на востоке, о теракте в вагоне поезда, о сороковой жертве серийного убийцы, которого уже семь лет не могут поймать, и о браконьерах, ежегодно сокращающих популяцию слонов вдвое.

– Не планета, а цирк какой-то, – сказал Захар. – Куда мы катимся?.. В каком мире будут жить наши дети?.. Да уж...

– Я бы хотел, чтоб на Земле была справедливость, – сказал Костя.

– Все бы хотели.

– Не все. Те, кто творит зло, не хотят.

– Хотят, просто они не могут иначе.

– Почему?

– Не знаю.

– А если убрать с Земли всех, кто творит зло?

– Ну... – Захар задумался на несколько секунд, – наверно,

зла станет меньше.

– А почему так не сделать?

– А как ты убережешь все зло?

– Милиция должна убрать?

– Они не могут со всем справиться, да и как ты определишь, что зло, а что добро? Один человек для тебя – зло, а для меня – добро, и кто прав?

– Никто не прав. Зло – это то, что убивает животных и людей. Зло – это то, что воюет с другими. Зло – это то, что ворует у честных.

– Да не так все просто.

– Почему не просто?

– Ты не поймешь.

– Сам ты не понимаешь, а я все понимаю.

– Ладно, пора на боковую, – сказал Захар и выключил телевизор.

– Спать? – спросил Костя.

– Да, приятных снов, – сказал опекун и лег, повернувшись к нему спиной.

– И тебе.

Костя поставил свою раскладушку рядом с раскладушкой

Захара. Из-под стола вытащил подушку и скомканное одеяло. Снял майку, стянул штаны и повесил одежду на спинку стула. Обычно Костя засыпал сразу, как ложился, но сегодня его сознание будоражила надежда изменить свою жизнь и жизнь Ани. Единственного человека, кто по-настоящему его любит и кого любит он. «Изменить, заработав денег, ведь это реальная возможность», – думал он. А еще Костя не мог осознать, чего же он не понимает в справедливости? Ведь он, как ему казалось, четко отделял добро от зла.

«Н-да... я живу в мире сумасшедших», – подумал Костя, вспоминая только что увиденные новости. А через несколько минут он заснул.

Глава 3

НОЯБРЬ

Оператор навел камеру на телеведущего. Мужчина в строгом костюме сидел в кресле и держал в руках планшет с закрепленными в нем листами. Он бегло просматривал подготовленные вопросы, которые собирался задать в ближайший час своему необычному гостю.

Семен Петрович зашел в телестудию, поздоровался с присутствующими и сел в кресло напротив ведущего.

– Все готовы? – спросил оператор.

– Да, можно начинать, – телеведущий махнул рукой людям за пультом. – Саня, погнали.

– Эфир будет с небольшой задержкой, если что, мы успеем вырезать лишнее, – сказал ведущий Семену Петровичу.

– Хорошо, – ответил тот.

– Вы готовы?

– Да.

– На счет «пять» начинаем, – сказал оператор.

1

2

3

На камере загорелась красная лампочка.

– Здравствуйте, уважаемые телезрители, – начал ведущий, – сегодня в эфире центрального канала человек, которого вы все давно ждали. Человек, который лично руководил походами путников в Чащу. И прямо сейчас он готов рассказать все, абсолютно все, что там происходило. Встречайте – Бунин Семен Петрович, руководитель отдела координаторов Института Космических Инфекций.

– Здравствуйте, – ответил гость.

Камера взяла крупным планом Семена Петровича.

– Добрый вечер! – сказал ведущий. – Что ж, перейдем сразу к делу. Три года вы руководили отделом координаторов.

– Да.

– Какова была основная задача отдела?

– Донести устройство до главного корня Чащи.

– Что за устройство?

– Так мы называли специальный прибор с химикатом, который синтезировали наши коллеги.

– И, значит, все эти люди, путники, должны были доставить это устройство до центра... Чащи?

– Именно так.

– Эти путники, они ведь были необычными людьми.

– Да, все, кто ходил туда, были людьми с синдромом Дауна.

– Почему именно эта категория людей?

– Мы до сих пор не понимаем, как Чаща могла это делать, но каким-то образом она воздействовала на сознание людей. Обычный человек, как только оказывался в области произрастания сорняка, сходил с ума и через несколько часов умирал в бреду. Как выяснилось, разум людей с синдромом Дауна не восприимчив к его влиянию.

– А как вы это поняли?

– Поняли что? Что люди с особенностями развития могут противостоять Чаще?

– Да.

– Совершенно случайно, как, собственно, и были сделаны многие открытия в мире. Один такой паренек спокойно ходил в Чащу, правда, неглубоко. Это увидели, ну и... сами понимаете. Спустя неделю был сформирован первый отряд путников с синдромом Дауна.

– Где сейчас этот отряд?

– Они все погибли в первый же день.

– В народе ходят слухи, что существа, живущие в Чаще, убивали всех, кто туда заходил. Значит, это все правда?

– В народе информация всегда появляется первой, а потом уже вы ее официально транслируете, – с усмешкой сказал Семен Петрович.

– Действительно, молва народная распространяется быстрее скорости света. А что это за создания? Действительно такие опасные?

– Очень опасные. Но существа, живущие в Чаще, это, по сути, и не отдельные организмы. Представьте, что сами лианы Чащи – это некая сеть, возможно, она даже генерирует поле, уловить которое мы не можем, но оно определенно должно быть.

– Какое поле? Электромагнитное?

– Да какое угодно: магнитное, электрическое, глюонное. – Семен Петрович сделал паузу, а потом продолжил: – Да хоть Хиггсово...

– Чаща формирует это поле?

– Хиггсово?.. Нет, это пока теория, но, надеюсь, скоро будет открытие, думаю, годам к двухтысячным. Так вот, Чаща образует какое-то свое поле, это однозначно. В общем, органика, переработанная Чащей, как бы это сказать, оживает снова и управляется самой Чащей посредством этого поля и каких-то новых частиц. Надеюсь, поле Чащи мы тоже сможем понять в будущем и изучить.

– Что значит «органика оживает и управляется»?

– Допустим, вы попали в Чащу и погибли там. Вас переработают в новый организм.

– Я ничего не понимаю, то есть я стану живым мертвецом?

– Нет, это будете даже не вы. Чаща не воспроизводит организмы в точности, какими они были при жизни, она скорее использует ваш материал, хм... ваши тела, материю, клетки для создания чего-то своего. К примеру, она мо-

жет скрестить человека с собакой, или с другим человеком, с птицей или пауком и вылепить из этого нечто среднее. Причем эти существа активны только в радиусе Чащи, как раз за счет ее неуправляемого поля. Если создание вытащить за пределы сорняка, оно тут же умрет. Даже не умрет, а скорее, отключится, так как оно и не было живым вовсе.

— То есть создания в Чаще были сшиты, склеены или, я даже не знаю, какое тут слово подобрать, слеплены из живых организмов?

— Да, из тех, кого поглотила Чаща.

— А они помнят себя прошлыми?

— О нет, что вы... хотя, некоторые особи повторяют фразы, которые, очевидно, сильно врезались в их память при жизни.

— Они разговаривают?

— Да, но это неосознанная речь. Они, как попугаи, могут что-то говорить, но смысла в этом нет.

— Мне вот не совсем понятен один момент.

— Какой?

— Чаща невосприимчива к огню и холоду.

— Да.

— Почему нельзя было просто сбросить на нее атомную бомбу? К взрывной волне все восприимчивы.

— Чащу обнаружили, уже когда она сильно разрослась, на много километров. Когда мы поняли, что сорняк представляет страшную угрозу, было уже поздно. Вы, возмож-

но, не видели Чащу на аэрофотоснимке. Представьте себе круг радиусом триста километров. Атомные бомбы тут не помогут.

— А распылить этот ваш химикат нельзя?

— Нет, во-первых, его не так просто создать, а во-вторых, химикат нужно вкалывать в корни, само по себе растение его не впитает. Мы до сих пор не понимаем, чем оно питается. Мы проводили эксперименты, вливали химикат в лиану, и через какое-то время она вяла и отмирала. А когда распыляли, растению было плевать на это.

— Как вы поняли, что Чаша имеет центральный корень?

— Подняли аэрофотоснимки района возле деревни Илеево, которая как раз расположена неподалеку от эпицентра зарождения сорняка. На снимках мы нашли еще пока молодую Чашу, в центре которой просматривался широкий длинный контур, похожий на толстую змею.

— Ну а почему нельзя было высадиться с вертолета в ее эпицентр, чтоб сразу оказаться в самой сердцевине?

— Была такая попытка в самом начале, когда лес еще не разросся на многие километры. Группа погибла.

— Что с ними случилось?

— Кто-то разбился при посадке, а кого-то забрали по пути к этой самой, как вы ее называете, сердцевине.

— Те существа?

— Да.

— А удалось ли вам захватить кого-нибудь из этих су-

ществ?

— К сожалению, нет, мы могли только наблюдать их через камеры путников. Почти все встречи с порождениями Чащи заканчивались гибелью отряда.

— Н-да... печально.

— Да, но благодаря их подвигу мы узнали о Чаще больше.

— У меня тут подготовлены вопросы, но в результате нашего с вами общения у меня появилось огромное количество новых.

— Спрашивайте, я отвечу на все.

— Семен Петрович, а когда вы поняли, что Чаща — это вовсе не инопланетный организм, как вы отреагировали?

— Мягко говоря, мы были шокированы. Понимание происхождения Чащи перевернуло наше представление о происхождении Вселенной, о пространстве и времени, о нас самих и нашем сознании, а для кого-то даже и о Боге.

— Что ж, дорогие телезрители. — Ведущий повернулся лицом к камере. — Сейчас мы прервемся на короткую рекламу и вскоре продолжим. Не переключайтесь.

Глава 4

СЕНТЯБРЬ

Из-за распространения Чащи город опустел. Многие люди переехали заранее, до массовой эвакуации, начало которой было запланировано через несколько месяцев.

Изредка проезжающие машины нарушали тишину ночного города. Алекс с другом шли по тротуару, будучи изрядно выпившими. Его сорокалетний товарищ по кличке «Старый», недавно освободившийся из мест заключения, неожиданно остановился.

– Все, Леха, надо зад прислонить, – сказал он и плюхнулся на асфальт. – Курить... надо покурить.

Старый достал из внутреннего кармана ветровки сигареты, сунул одну себе в зубы и протянул пачку Лехе.

– Наслаждайся, – произнес он.

Алекс вытащил из пачки сигарету, прикурил Старому, а потом себе.

– Говорят, там у тебя очередной путник погиб? – спросил Старый.

– Да, и не один. Вся группа. Теперь вот выходные, пока новый отряд собирают, – ответил Алекс.

– Смертничков.

– Н-да уж... смертничков.

– Дурачки эти раскосые ходят, надеясь денег заработать.

– А кому еще ходить?

– Не знаю...

– Чего ты упал-то? Мочевой пузырь отморозишь, – усмехаясь, сказал Леха, решив перевести тему.

– Я? Отморожу? Да ты, братан, не знаешь, как я мерз! Вы, молодые, холодов не видели.

– Ой, не начинай, – махнул на него рукой Алекс.

– Меня, когда допрашивали, я, знаешь, сколько просидел к холодной батарее пристегнутый?

– Сутки, – вяло отреагировал Алекс, потому как слышал эту историю уже не раз.

– Пять градусов было, а я в майке и кальсонах! И ни хрена не случилось, только горло потом запаршивело.

– В магазин не успеем, давай погнали уже.

– Да не спеши ты, дай додымить.

– Катька твоя что-то совсем приуныла, – вспомнил Алекс.

– Хоть не рыгала сегодня, – засмеялся Старый.

– А чего? Рыгает обычно?

– Дальше, чем видит! Я однажды к ней полез, ну на хате сидели у Пашки, все дела, вроде ночь веселая намечалась, сидим, лапаемся, и тут она как блеванет на меня. – Старый залился хохотом. – Чуть ли не в рот мне... А я сижу и не понимаю, мне ей влить по харе и отмываться пойти или сразу

отмываться пойти. Или вклеить, отмыться, а потом еще раз вклеить... Старый так расхохотался, что выронил сигарету.

– Желудок слабый, – сказал Алекс. – Такие, как она, только продукт переводят.

– Да уж, бабы эти – одно недоразумение. Помоги-ка... – Старый протянул руку.

Алекс помог ему подняться. Тот посмотрел на часы.

– Успеем. А если не успеем, я знаю, где самогона взять.

– Чтоб травануться им?.. Не, лучше по классике.

– А водкой, ты думаешь, нельзя травануться?

– Можно. Я как-то отравился, но это свое, родное отравление, а самогон твой... да черт его знает, что там намутят. Ослепнем еще.

– Я там брал много раз, и ничего, не ослеп.

Внезапно возле них остановилась машина. Задняя дверь распахнулась, и оттуда вывалилась девушка. На ней были леопардовая мини-юбка и розовый топик. Автомобиль тут же скрылся за поворотом. Босая девушка лежала на спине, раскинув руки в стороны. Алекс почему-то первым делом обратил внимание на ее грязные пятки.

– Опаньки, – произнес Старый.

Леха подошел к девушке и сел возле нее на корточки. Слегка потряс ее за плечо.

– Эй, ты живая там?

– Проститутка какая-то, – сказал Старый.

– Ну... судя по одежде, похожа.

Растрепанные светлые волосы закрывали половину ее лица. Размазанная по щеке помада перемешалась с грязью. Алекс почувствовал к этой девчонке отвращение вперемешку с жалостью.

– Что делать будем? – спросил Алекс.

– Что-то ничего на ум не приходит.

– Мы же не можем вот так уйти? – Он посмотрел на Старого.

– А чего?.. С собой ее, что ль?

– Есть жетон – в мусарню позвонить?

– Откуда?

Алекс прислонил руку к шее девушки, пытаясь нащупать пульс, но ничего не почувствовал.

– Давай, может, до лавок донесем, а там разберемся, – сказал он. – На дороге оставлять так человека... ну это как-то не по-пацански.

– Шлюху-то?.. Сдалась она тебе...

– Мало ли что с ней случилось. А еще мне кажется, она живая, у нее грудь поднимается.

Старый уставился на ее топик.

– Да, вроде дышит. Или... или не дышит.

– На лавки отнесем, а там вызовем вонючек, пусть разбираются, – сказал Алекс.

– Так они и нас заберут до выяснения.

– Мы, перед тем как расходиться по домам, позвоним с таксофона, скажем адрес, и все. А пока полежит на лавочке,

может, даже очухается.

– Лучше в «Скорую» позвоним, – предложил Старый. – Мне на звонок вонючкам даже чужого жетона жалко.

– Давай помоги мне ее взять. Ты за ноги хватай.

– За водкой не успеем, – пробормотал Старый, почесав в затылке.

– Так самогон возьмем...

Нести за руки-ноги девушку было неудобно, и Старый взвалил ее себе на плечо. Шли вдоль проезжей части. Редкие встречные прохожие с удивлением оглядывались на троицу. Пройдя метров пятьсот, они решили добираться до места назначения по дворам и переулкам, чтоб не наткнуться на случайный милицейский патруль. Минувя очередной двор, они зашли в арку жилого дома. Неподалеку галдел народ.

– Сейчас все охренеют, – сказал Старый.

– Пошли за водкой, а вернулись сдохлой бабой, – ответил Алекс.

Подойдя к шумной компании, Старый опустил девушку на землю.

– Воу-воу, – произнес Паша. – Это что еще за подарок?

– Я вам бабу снял, – с серьезным лицом сказал Старый, – но есть небольшой минус – она мертвая.

– Зато дешевая, – добавил Алекс.

– Серега, будешь ее? – предложил Старый, не в силах удержаться от смеха.

«Лавочная» компания обступила распластанное на траве

тело.

– Она че, правда, мертвая? – спросил Серега.

– Да не. Шутим мы, – ответил Алекс.

– Предлагаю выпить за ее здоровье, – с трудом шевеля губами, произнесла Катька, слегка ткнув девушку туфлей в бок.

– Лех, я за пойлом сбегая, ты им пока Расскажи, что случилось.

– Хорошо.

– Денег-то дай.

Алекс вытащил из кармана несколько купюр и протянул их Старому. Схватив деньги, тот в спешке зашагал в сторону соседнего дома.

– А чего тут рассказывать? – начал Алекс. – Бабу выкинули из машины. Мы ее подобрали и принесли сюда. Вот и все.

– Вы до магазина так и не дошли, что ль? – спросила Катька, еле держась на ногах. Пьяная подружка Старого положила руку Алексу на плечо, чтоб не завалиться рядом с бесчувственной девушкой.

– Мне кажется, тебе на сегодня хватит, – сказал Алекс.

– Мне? Не-е, я не пьяная.

– Заметно, заметно, – со смешком подметил Серега.

– Это просто каблуки неу... неу... добные, – выговорила Катя.

– Ну да, ну да, – ответил Алекс.

– Во дворе пьянствовать на каблуках вышла, – засмеялся

Сергея.

– Это она перед Старым выделяется, – сказал Паша.

Катя начала заваливаться на бок, но ее тут же подцепил за подмышки Сергей и усадил на лавку.

– А чего это Старый нес эту сучку? – спросила Катя, упираясь локтями в колени.

– Не знаю, просто нес, – ответил Алекс.

– Вы думаете, я поверю, что ее из тачки выкинули?! – повысила тон Катя.

– Да мне все равно, веришь ты или нет, – ответил Алекс.

– Опять по шлюхам пошел, – сказала Катя и закашляла.

– Сейчас блевать начнет. – Сергей пихнул локтем Пашку, и тот захихикал.

– Унесите эту дрянь отсюда, или я прибью ее, – уже в бреду проговорила Катя. Ее локоть съехал с коленки, и она чуть не упала на землю.

– Два мертвых тела – это уже перебор, – сказал Алекс, глядя на пьяную Катю. – Прямо женский день какой-то...

Пашка склонился над лежащей на земле девушкой и принялся ощупывать карманы ее задравшейся мини-юбки.

– Да хорош там! – сказал Алекс. – Щипач, что ли?

– Успокойся, – ответил Паша.

– Чего успокойся? Это уже низость, завязывай.

– Че? – Паша выпрямился. Он был разочарован. В карманах оказалось пусто.

– Воровать-то не надо, – сказал Алекс.

– Ты кого вором назвал? – поинтересовался Паша, уставившись на Алекса.

– Уничтожу суку, – бубнила Катя, не поднимая головы. – Опять пошел по шмарам, скот этакий.

– Я не называл тебя вором, – оправдывался Алекс. – Я сказал, что шарить по ее карманам – это низко.

– А ты тут что, борец за нравственность?

– Паш, ты нажрался, кончай бычить, – вмешался Серега.

– Кто бычит? Я не бычу. Я не люблю, когда сопляки меня жизни учат. Я в армии таких ел!

– За словами следи, – огрызнулся Алекс. – Ты меня старше на пару лет.

Паша на ватных, подгибающихся ногах подошел к Алексу вплотную.

– Где вот моя свадьба, а? – не унималась Катя, казалось, она говорит уже во сне. – Свадьбу сперли, лярвы. Погань тошная. Сифилитички.

– Кого ты там ел в армии своей? В твои сказки никто не верит, клоун, – сказал Алекс.

– Сиськи уже отвисшие, а мужика нет нормального, – бредила Катка. – Этот был... дурак... по шмарам пошел.

– Кто тут клоун?! – спросил Пашка, пихнув Алекса в плечо.

– В зеркало посмотри, – отозвался Алекс, пихнув его в ответ.

– Ребят, завязывайте! – сказал Серега, подойдя к Лехе со

спины и чуть потянув его за плечи. В это время Пашка попытался со всего размаху ударить Алекса, но промахнулся и попал Сереге в подбородок. Тот плашмя рухнул на траву и захрипел, вытянув руки по швам. Алекс, не раздумывая, пнул Пашку в пах.

– Сука, кто так делает, – скорчившись от боли, простонал Паша. Он катался по траве, цедя сквозь зубы ругательства.

В этот момент Катька вскочила с лавки, зигзагами подлетела к лежащей на траве девушке. Ударила ее ногой в голову, попав каблуком в глаз. Потеряв равновесие, Катька повалилась на землю.

– Сука, я тебя зарежу, – стонал Пашка, держась руками за отбитые яйца.

Алекс подошел к девушке и пригляделся. Левая часть ее лица была залита кровью. Белок полностью вытек. Алекса пробила нервная дрожь. Девушка так и не пришла в сознание. Катька сидела на траве возле случайно нокаутированного Сереги и блевала себе на ляжки. Неподалеку от боли мычал Пашка.

Алекс окинул взглядом всю эту картину, и у него пробежала только одна мысль: «Как я вас всех ненавижу».

– Вы что, мракобесы, наделали?! – раздался голос Старого из-за спины Алекса.

ОКТАБРЬ

Бойцы отряда спасателей вскрыли замок квартиры, соседи которой заподозрили неладное. Жилец – одинокий мужчина, не появлялся на работе несколько дней и не брал трубку. Следователь открыл входную дверь, и ему в нос ударил запах гниющей плоти. Из комнаты доносились звуки работающего телевизора. Спасатели с любопытством заглядывали в квартиру, зажимая носы. Следователь прошел в гостиную и увидел мужчину, лежащего на полу. Вокруг его шеи были намотаны кишки. Стол опрокинут, а на полу виднелись следы крови, видимо, человек пытался ползти. Труп лежал на спине, обхватив руками живот. Следователь аккуратно задрал ему майку. Снова никаких признаков хирургического вмешательства. И если бы не регулярность подобных смертей, он подумал бы, что кишки можно вытащить через анальное отверстие, и, возможно, даже проверил бы эту гипотезу прямо сейчас, но он знал, что в этом нет смысла. Дальнейшая экспертиза показала, что мужчина по всем приметам похож под серийного убийцу, на счету которого были десятки жертв и которого уже много лет не могли поймать.

Глава 5

СЕНТЯБРЬ

Шипение и треск яичницы на раскаленной сковороде разбудили Костю. Парень сел на раскладушке и потянулся. Захар готовил завтрак, стоя возле плиты.

– Доброе утро, – сказал опекун.

– Доброе.

– Яичницу будешь? Могу на тебя еще пару яиц разбить.

– Нет, я с Аней поем.

– Она уехала час назад.

Встав с кровати, Костя оделся, свернул одеяло с подушкой и закинул под стол. Умывшись и почистив зубы, он пошел в Анину комнату. Раздвинул шторы, и комнату залил солнечный свет. Парень поставил мольберт напротив окна и принялся выдавливать краски в палитру. Зеленый и черный цвета.

– Кость, – обратился к нему Захар, заглядывая в комнату.

– Да?

– Я хотел поговорить.

– О чем?

Захар зашел с тарелкой, в которой колыхались непрожа-

ренные желтки, и кружкой чая. Сел за Анин стол.

– Тебе двадцать лет...

– Да, скоро двадцать три.

– Хм... ну да. – Захар немного замялся. – Через три года, пожалуй, что и двадцать три стукнет, тут не поспоришь.

– Не поспоришь, – согласился Костя.

– Ане шестнадцать.

– Да, я – старший брат, – с гордостью произнес Костя и поставил чистый холст на мольберт.

– Тебе нравится, что она руководит тобой?

– Я не знаю.

– Ты же мужчина, – сказал Захар и положил в рот кусок яичницы. – Кстати, зря отказался от завтрака.

– Да, я мужчина.

– У тебя есть яйца?

– Что? – Костя посмотрел на Захара. – Ты про яичницу?

– Нет, я про яйца. У всех мужиков есть яйца. Мы – это, в первую очередь, характер. У тебя есть яйца?

Костя оттопырил штаны с трусами и заглянул в них.

– Да, вот они, – сказал парень. – Два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.